

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 56–61

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 56–61

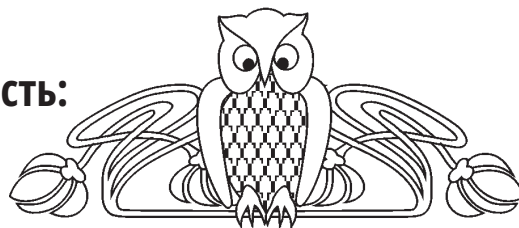
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEML

Научная статья

УДК 316.3+316.7

Государство и этническая идентичность: противостояние или союз?

В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, Е. В. Листвина, А. В. Рязанов ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу взаимосвязи государства и этноса, государственной и этнической идентичности. В ней раскрываются механизмы формирования государства на основе освоения культурного багажа, созданного в рамках этнического коммуникативного пространства. **Теоретический анализ.** Одной из отличительных черт современных государств является сложный характер идентичностей входящих в их состав граждан. Показано, какими путями и за счет чего происходит утверждение государственного начала. С одной стороны, государство пытается включить в орбиту своей деятельности лучшие образцы этнической культуры. С другой стороны, оно стремится использовать возможности новых видов идентичности в своих интересах (цифровая идентичность). Материалы, заимствованные у других видов идентичности, в процессе освоения улучшаются и адаптируются к ситуации их использования. Они имеют тенденцию к встраиванию в современную массовую культуру. В процессе развития государства происходит изменение баланса «Я» и «Мы» идентичности в сторону усиления индивидуальной идентичности. Государство стремится противостоять этому. **Заключение.** Государство использует этническое коммуникативное пространство и этническую идентичность в качестве источника заимствования ценных для него сюжетов, исторических персонажей, праздников. Также оно стремится привлечь на свою сторону этнических активистов, которые являются носителями этой информации.

Ключевые слова: государство, этнос, государственная и этническая идентичность, коммуникативное пространство, массовая культура, современные коммуникации

Для цитирования: Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Государство и этническая идентичность: противостояние или союз? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEML

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The state and ethnic identity: Confrontation or alliance?

V. B. Ustyantsev, M. O. Orlov, E. V. Listvina, A. V. Ryzanov ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Alexander V. Ryzanov, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the relationship between the state and ethnic group, state and ethnic identity. It reveals the mechanisms of state formation based on the development of cultural baggage created within the framework of the ethnic communicative space. **Theoretical analysis.** One of the distinctive features of modern states is the complex nature of the identities that comprise their citizens. The article shows in what ways and due to what the president of the state asserts the beginning of the state. On the one hand, the

state is trying to bring in the best examples of ethnic culture. On the other hand, it seeks to use the possibilities of new types of identity in its manifestations (digital identity). Materials borrowed from other types of identity are improved and adapted to the situation of their use in the process of development. They tend to be integrated into modern mass culture. In the process of development of the state, there is a change in the balance of "I" and "We" identities towards strengthening individual identity. The state is trying to counter this. **Conclusion.** The state uses ethnic communicative space and ethnic identity as a source of borrowing valuable plots, historical characters, and holidays. It also seeks to attract to its side ethnic activists who are the carriers of this information.

Keywords: state, ethnic group, state and ethnic identity, communicative space, mass culture, modern communications

For citation: Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryazanov A. V. The state and ethnic identity: Confrontation or alliance? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMLL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Государство и этнос представляют собой разные, иногда конкурирующие друг с другом формы организации больших групп людей и одновременно центры формирования идентичности. Первое из них возникло позже второго и постепенно начало представлять собой институализированную структуру, в процессе развития сформировавшуюся в аппарат классового господства в явном, а позже закамуфлированном виде. Второе, скорее, в большинстве случаев представляет тот изначальный субстрат, на основе которого государства и возникли. Государства обычно выстраивались поверх этнического начала и формировали свою систему сдержек и противовесов. В то же время эта система основывалась, главным образом, на элементах, возникших в рамках развития этноса и этнического.

Не менее важным является тот факт, что один и тот же человек может относиться одновременно к определенному государству (иметь государственную идентичность) и быть отнесенным к некоторому этносу (в том числе и по самоощущению). Для более ранних исторических этапов существования социума была характерна коллективная идентичность: человек воспринимал себя, прежде всего, членом некоторого коллектива, а не отдельной, изолированной единицей. Он мог выживать только в коллективе, при жизни в составе своей группы.

Более того, «соотношение Я-идентичности и Мы-идентичности у отдельного человека не задано раз и навсегда» [1, с. 13]. Со временем оно подлежит изменению, но происходит это крайне медленно: в спокойные периоды времени оно стабильно, но скорость изменения увеличивается в эпоху революционных перемен в жизни общества. Причем чем чаще про ранние времена идет речь, тем более вероятна ориентация человека именно на групповую, позже этническую идентичность. И так было в течение значительного периода существования человека современного вида.

Теоретический анализ

Этническая идентичность возникает в рамках функционирования того или иного этноса через общий язык (в том числе пословицы, поговорки), коллективную память, этническую историю, картину мира, обычаи и обряды, образующие коммуникативное пространство этноса, которое определенным образом взаимодействует с вмещающим его государством. По мнению С. А. Сухих, «язык – это фильтр, через который мы получаем возможность категоризации своего опыта. И языковая или национальная картина мира – это скорее конструкт, описывающий абстрактную схему надличностного структурирования» [2, с. 51]. В процессе функционирования языка постепенно складывается и постоянно совершенствуется властный дискурс. Последний возникает из-за необходимости организации управления группами населения различного происхождения. Владение гражданами общим языком значительно облегчает государству задачу управления.

Важно отметить, что одно государство может объединять множество этносов, и в этом случае, будучи различными по численности, уровню своего культурного развития и имеющемуся потенциалу, они могут находиться в разных отношениях к государству, и в разной степени ассоциировать себя с ним. При этом некоторые этнические группы оказываются слабо представленными в общегосударственной культуре и их вклад в нее оказывается на фоне других этносов мало заметным. С другой стороны, некоторые этносы могут иметь там хорошее представительство, вступая в симбиоз с вмещающим их государством.

Государство возникает отнюдь не только на основе этноса, оно имеет другую природу и склонно к использованию всего, до чего оно может дотянуться в своих собственных интересах. Это означает, что государства могут возникать не только на этнической основе, но этносы складываются исторически. Но каковы

бы они ни были по своему происхождению, «любое государственное образование старается контролировать основные коммуникативные потоки, и, тем самым, ставит пределы развитию этнических культур ...» [3, с. 94–95].

В рамках государств складываются те или иные органы власти. Чем более продвинутым является государство, тем в большей степени сознательным является выстраивание его несущей конструкции. В его рамках выбирается в качестве общего один ли несколько языков и создаются условия для овладения им (ими) большинством жителей, формируется пантеон культурных героев, на основе имеющегося материала складывается соответствующий исторический нарратив. Впоследствии он постоянно совершенствуется и дорабатывается в случае такой необходимости.

Государство в лице первых лиц старается выстроить свою версию происходящих событий, легитимировать свое существование и застолбить за собой определенное место в истории. Для этого власть во все времена использовала праздники, некоторые из них, возникшие на основе старых этнических праздников, объявлялись государственными.

Власть во все времена стремилась утвердить себя, привлекая к себе внимание своих подданных за счет организации разного рода торжеств, посвященных значимым историческим событиям, особенно связанным с историей самого государства. С этой целью может происходить мобилизация участников для таких мероприятий, к примеру, на проведение парада, посвященного какому-нибудь значимому событию. Так, люди, жившие в СССР, хорошо помнят парад в честь дня Победы и чувства сопричастности и гордости за страну, переполнявшие граждан в эти моменты.

Парад связан с праздником, а каждый праздник связан с определенной ценностью, выбранной для реализации своих целей режимом власти. Праздник возник раньше любого государства, но, поскольку он может быть эффективным орудием управления широкими народными массами, то он, естественно, был ассимилирован и заимствован властью. Польский исследователь К. Жигульский пишет, что праздник «оказывается прежде всего поводом к самоотождествлению – в дни праздника молодежь часто яснее, чем в других случаях, осознает себя, свое единство с общественной группой... Во время праздника в различных формах... отображается прошлое группы,

мифическое и историческое, а также современность, нынешняя ситуация» [4, с. 174].

Поскольку праздники тесно связаны с определенным церемониалом, обрядами, то они сопряжены с актуализацией определенных ценностей, причем значимых с точки зрения государства. Праздники требуют в том или ином виде совместного участия, соперничества. «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность, и тем самым закрепление культурной идентичности. Ритуальное повторение обеспечивает единство группы во времени и в пространстве» [5, с. 60]. Именно поэтому формирование и поддержка общегосударственных праздников критически важны для любого действующего режима власти, для любой государственной (национальной) идентичности. И для этого власть не жалеет ни денег, ни усилий, ни иных ресурсов.

Находящаяся у власти в государстве группа стремится использовать значимые элементы из арсенала составляющих его этнических групп или отдельной этнической группы, отбираются наиболее удобные для этого культурные элементы, сюжеты, выбираются места памяти и соответствующие герои. В случае необходимости им придается нужный по ситуации характер, т. е. происходит их модификация под необходимый образец, который складывается со временем. Во многих случаях этим строительством занимаются особые люди, имеющие для этого подготовку и соответствующие навыки. Важно отметить, что в этом случае достаточно велика роль сознательного выбора в конструировании «общей» истории, которая стимулирует внутригосударственную идентичность и солидарность на низовом уровне.

Наиболее интересные для государства образцы этнических культур берутся на вооружение государством и становятся основой формирования общегосударственного нарратива. Это могут быть обычаи, ритуалы, праздники, даже сказки, которые могут сослужить государству хорошую службу в деле укрепления его основ. Таким образом, государство в лице действующей власти отбирает для освоения и переработки наиболее выигрышный, наиболее значимый, удобный для себя этнически маркированный материал и использует его для достижения своих целей. При этом может происходить даже неявное информационное оттеснение самих этнических активистов, т.е.

лиц, непосредственно связанных с некоторым этническим коммуникативным пространством, стремящихся к его развитию и трансляции последующим поколениям. С другой стороны, не менее важным является привлечение части идущих на сотрудничество этнических активистов для реализации намеченного. По сути то, что происходит, можно назвать перехватыванием некоторого «актива» и его последующей «приватизацией» структурами, связанными с государством.

Таким образом, под прицелом государства оказывается коллективная память граждан. Осуществляя свой трансфер, властный режим стремится заместить собой все прежние идентичности, поставив себя над ними и заставив «служить» себе. Распространенная в обществе «правильная» версия коллективной памяти (при активной поддержке изнутри) значительно облегчает издержки управления и снижает градус противостояния между различными стратами общества.

На определенном этапе существования государства на основе традиционной культуры возникает массовая культура, которая реализует интересы и государства, и бизнеса. Ее результатом является формирование идеологии общества потребления, получившей широкое распространение в современных государствах. Именно через массовую культуру государство устанавливает свои приоритеты, в рамках массовой, профессиональной культуры оно «приручает» этническое и втягивает в себя все лучшее, используя для своего развития достойные образцы. Возникновение массовой культуры связано с развитием и распространением средств массовой коммуникации в индустриальную эпоху. В ее рамках осуществляются адаптация и трансляция лучших образцов этнических культур на широкие слои населения.

Основными тенденциями за последнее время А. В. Костина считает «увеличение скорости изменений и вытеснение этнических культур национальными культурами, за которыми стоит поддержка государства. С другой стороны, и на одну, и на другую, – наступает и теснит массовая культура, которая унифицирует все, что в нее втягивается» [6, с. 96].

Для современного индивидуализированного человека характерны неустойчивость и подвижность баланса между конкурирующими идентичностями вплоть до исчезновения самого факта существования такого баланса. В этом случае один из этих полюсов исчезает, чаще этнический.

Современному человеку все чаще становится свойственна множественная идентичность, т. е. отнесение себя к разным социальным группам, имеющим разный генезис: возрастной, этнический, профессиональный и т. п. «Идентичность кажется фиксированной и твердой лишь при беглом осмотре извне. Какой бы твердостью она не обладала, при рассмотрении изнутри, с точки зрения собственного биографического опыта, она кажется хрупкой, уязвимой и постоянно раздираемой внутренними силами, раскрывающими ее текучесть...» [7, с. 92].

В современности можно увидеть тенденции ухода личности и от государства, и от этноса, вообще от какой-либо коллективной идентичности как таковой. Так, тот же З. Бауман рассуждает о существовании «новых элит» [7], не привязанных к одному месту, своеобразных современных кочевников. Они легко перемещаются между странами и континентами, пользуясь всеми имеющимися благами, ни к чему особо не привязываясь и ни за что конкретно не отвечая. Это своеобразная экстерриториальная элита современных государств.

Однако такая ситуация касается на настоящий момент сравнительно небольшого количества граждан, проживающих в самых развитых странах, которые составляют верхние страты общества. Подавляющее же большинство других вынуждено ориентироваться на прежние большие идентичности: государственные, этнические или какие-нибудь иные, к примеру, конфессиональные.

Ситуация с идентичностью населения современных государств становится все более сложной и проблемной. Дело в том, что за последние несколько десятилетий, особенно с начала XXI в., произошло бурное развитие современных коммуникативных технологий, что имело своим результатом появление нового значимого ресурса – цифровых медиа. С одной стороны, это способствовало росту индивидуализации рядового потребителя цифровых услуг и одновременно нарастанию вовлеченности в процесс обмена информационными сообщениями. Государство, установив контроль за ними, используя их, получило возможности воздействия на общее коммуникативное пространство в своих интересах. Широкое распространение цифровых средств массовой коммуникации, наряду с сокращением печатных СМИ, сделало их важным объектом интереса государственных структур в большинстве сфер современного общества и не только государственных. Некото-

рые авторы говорят о наступлении новой формы капитализма – «надзорного» капитализма [8].

Управленческие коммуникативные потоки со стороны органов государственной власти транслируются в том числе и через цифровые медиа. Именно они являются каналами, через которые осуществляются информационное воздействие. С их помощью можно манипулировать ожиданиями и притязаниями общества, осуществляя отбор нужного управленческого дискурса и формируя удобную, приемлемую для действующего политического режима повестку дня. В. А. Лекторский пишет, что современные информационно-коммуникационные технологии позволяют «воздействовать на сознание человека и даже программировать его» [9, с. 32].

В современном обществе индивидуализация и фрагментация распространяются на все большее количество граждан и все меньше их ориентировано на большие идентичности. Однако несмотря на давно объявленную «смерть» государства, тем не менее государственная (национальная) идентичность продолжает существовать и играть значимую роль. Вполне возможно, что ситуация будет оставаться приблизительно такой же в течение обозримого периода времени.

Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо сделать вывод о том, что отношения этнического и государственного следует считать скорее союзом, нежели противостоянием, потому что стоящие за ними идентичности активно взаимодействуют. В большинстве случаев граждане имеют одновременно и одну и другую идентичность. Однако перевес во влиянии оказывается чаще на стороне государства. Государство как структура с властными полномочиями имеет намного больше возможностей для использования этнически маркированных продуктов традиционной (этнической) культуры в своих целях: и для достижения монолитности гражданского коллектива, и для укрепления классового и межнационального согласия. Ради достижения этих целей государство не поощряет (как минимум) деятельность этнических активистов, чьи инициативы не считаются полезными для существования данного государства. Государственная власть стремится использовать новые технические возможности современных цифровых технологий для осуществления необходимого влияния и контроля.

Список литературы

1. Элиас Н. Общество индивидов. М. : Праксис, 2001. 336 с.
2. Сухих С. А. Этническая специфика социального познания // Картина мира и способы ее репрезентации. Научные доклады конференции. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. С. 48–53.
3. Рязанов А. В. Особенности этнических и национальных культур в современном мире: аспекты трансформаций // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук. 2017. Т. 11, № S5. С. 94–97.
4. Жигульский К. Праздник и культура : Праздники старые и новые. Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Костина А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 144 с.
7. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
8. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
9. Лекторский В. А. Естественное, искусственное и наука о человеке // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, №. 3. С. 31–35. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140302>

References

1. Elias N. *Die Gesellschaft der Individuen*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1996. 338 p. (Russ. ed.: Elias N. *Obshchestvo individov*. Moscow, Praksis, 2001. 336 p.).
2. Sukhikh S.A. Ethnic specificity of social cognition. *Kartina mira i sposoby ee reprezentatsii. Nauchnye doklady konferentsii* [Picture of the world and methods of its representation. Scientific reports of the conference]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003, pp. 48–53 (in Russian).
3. Ryazanov A. V. Features of ethnic and national cultures in the modern world: Aspects of transformations. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk* [Current Problems of the Humanities and Economic Sciences], 2017, vol. 11, no. S5, pp. 94–97 (in Russian).
4. Żygulski K. *Święto i kultura: święta dawne i nowe : rozważania socjologa*. Warszawa, Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1981. 410 p. (Russ. ed.: Zhigul'skiy K. *Prazdnik i kul'tura*. Moscow, Progress, 1985. 366 p.).

5. Assmann Jan. *Das kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerung u. polit. Identität in frühen Hochkulturen*. München, Beck, Cop. 1992. 344 p. (Russ. ed.: Assman Ya. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. 368 p.).
6. Kostina A. V. *Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokulturnoy dinamiki* [The Relationship Between Traditionality and Creativity as the Basis of Sociocultural Dynamics]. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROCOM", 2010. 144 p. (in Russian).
7. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge, Polity Press, Blackwell. 2000. 240 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost*. St. Petersburg, Piter, 2008, 240 p.).
8. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, PublicAffairs, 2018. 691 p. (Russ. ed.: Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma : bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti*. Moscow, Institut Gajdara Publ., 2022. 784 p.).
9. Lektorskiy V. A. The natural, the artificial and human sciences. *Kulturno-istoricheskaya psikhologia* [Cultural-historical Psychology], 2018, vol. 14, no. 3, pp. 31–35 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2018140302>

Поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 12.01.2024